

Слет знатных людей колхозов Харовского района открылся 25 марта. Надсенкой рабочего клуба лесозавода 45 висел лозунг:

«За 15 центнеров урожая с гектара, «ба 10 кгр. хлеба на трудодень». Под этим лозунгом проходит слет.

На слет прибыли знатные люди колхозов Харовского района — ударники-лесорубы, возчики, конюхи, полеводы, скотницы, доярки, сталинские ударники.

Они сошлись, чтобы поделиться опытом работы, чтобы осознать свои ошибки и недочеты, понять непонятое, наметить план наступления весны, план большевистских колхозных побед и с новыми силами ринуться в бой.

Они пришли, чтобы выработать план борьбы за высокий урожай, за удойливое породистое стадо коров и нести этот план в массы колхозников и трудящихся единоличников.

Шабурину Агния Кирилловна волнуется: почему бы и ей не рассказать о своей работе. Чувство неопытного еще восторга, небывалого душевного подъема наплывает на нее. Хочется говорить.

Но Агния Кирилловна в первый раз на таком многотомном слете, она малограмотна и не знает, что нужно написать в президиум, чтобы ей дали слово. А выступающие сменяются.

Сталинская ударница, старшая доярка колхоза «Начало», комсомолка Малышева рассказывает о том, как она ездила в Ивановскую область подписывать социалистический договор на соревнование с Любимским районом на лучшее развитие животноводства.

Она говорит, что харовские колхозники не должны уступать в соревновании.

Невысказавшаяся в прениях

А. Яшин

— Мы это можем сделать. Наш новый приплод скота должен стать образцовым. Сталинская ударница Орлова—телятница из колхоза «Возрождение»—рассказывает о том, как у них «самая отсталая, самая бедняцкая деревушка стала выходить на уровень».

Единоличник Вальского сельсовета Попов в конце своего выступления прямо заявил, что ему стыдно жить дальше единоличником, и обратился ко всем единоличникам с призывом о вступлении в колхозы.

Агния Кирилловна не могла спокойно сидеть. Хотелось говорить. Радость требовала слова. Радость невысказанная может стать бедной, неполноценной. Хотелось говорить.

И когда на сцене появилась делегация Любимского района, Ивановской области, с которым соревнуются харовцы, она не утерпела: через две скамейки сидел молодой человек в пимах, она пошла к нему и попросила:

— Товарищ ты мой дорогой. Напихни, пожалуйста, записку председателю, чтобы и мне высказаться дали. Не могу умолчать, — что ты сделаешь. Напихни им, что я—телятница Горбачевской фермы. Не усидеть все равно так, — что ты сделаешь.

На трибуну Агния Кирилловна вышла робко, поправляла на ходу складки широчайшего сарафана и одной рукой придерживая на груди концы большой красной шали. На утреннее заседание она пришла после обряд.

Несмотря на то, что Агния Кириллов

на присутствовала на слете в качестве делегата, она никому не доверила временный присмотр за телятами.

— Дорогие товарищи! — сказала Агния Кирилловна, по-северному окая и мягко выговаривая шипящие звуки, — вы уже простите меня — я только что из телятника. А вот слушаю всех и хочется мне про себя и про своих телят рассказать.

И перед слушателями развернулось тяжелое прошлое батрачки АГНЮХИ Шабуриной. Ни улыбок, ни радостей, ни отдыха, ни какого слова. Родители отдали ее семилетнюю «в люди» к кулаку, Агния росла под бдительным присмотром деревенского эксцелюатора — са модура. Для нее не оставили ни минуты свободного времени: работать надо. Частые подзатыльники сыпались на ее голову: умеи кланяться и будь смирна перед хозяином. Ежедневно ее тянули вверх за уши: расти скорей, работать лучше будешь.

И она работала. Она была и жницей, и молотильницей, и дояркой, и телятницей. Она была рабыней. Сейчас Агния Кирилловна сжимает в руке конец красного, как первомайский флаг, платка, выпрямляется, поднимает голову.

— С семи лет я батрачила у кулаков и у вешнего помещика, и ни одной радости, ни одного подарка не получила. Служила телятницей ну, и конечно, те

лятки похуже были, чем сейчас. Ухаживала за ними не так задорно, как сейчас. Не за спасибо ведь! Гнись, не гнись, — одна благодать, никакого поощрения.

— А вот к ферме к этой я привилась. Тут все свое да родное: и люди, и телятки—все свое. И ухаживаю я за ними и из рук своих не выпускаю.

— Недавно премировали меня. Получила я подарки и думаю, что у нас всегда трудящихся людей ценят. Еще больше стала ухаживать за своими телятами. И сейчас всем вам, дорогие товарищи, говорю:

— Старайтесь делать к чему приставлены. Наш труд не пропадает без внимания.

Когда Шабурину Агнию Кирилловну выбрали делегатом на 3 краевой слет ударников колхозного строительства, — она испуганно спросила:

— А кого же мы оставим с телятами? Вдруг да нашходит здесь кто-нибудь...

Но ее успокоили. Телята будут оставлены в надежных руках других ударниц.

В списке делегатов на краевой слет под ее фамилией стояла небольшая, но выразительная характеристика:

«... 46 лет, б.п. Телятница пригородного хозяйства Харовского райпотребсоюза. Уроженка дер. Плясово. Работала всю жизнь у кулаков по найму. Жила на двух фермах у помещиков, ухаживала за скотом. Сейчас у Шабуровой 19 телят и 2 поросенка. Отхода молодняка за время работы тов. Шабуровой не было, котому что она болела душой за по

рученное ей стадо. До нее же за 1932 год не сохранился ни один теленок. Тов. Шабурова без себя не допускает в телятник ни одного человека, боясь вредить тельства. В отдельных случаях не покидает телятника ни днем, ни ночью. За хорошую работу премирована правлением райПО месячной зарплатой».

★

В Большом театре Архангельска Агнию Кирилловну часто захватывали такие чувства, от которых хочется плакать или плакать от радости.

Когда 3 краевой слет колхозников — ударников пришли приветствовать премьеры с гармонией, песнями, пляской, когда над партером полетели модели аэропланов, она вспомнила свое безрадостное детство и заплакала.

— Вот как людям-то надо воспитываться, а я росла —земли под собой не видела, — говорила она после своим соседям из района.

Два дня Агния Кирилловна ждала, что председатель слета даст ей слово и она смело выйдет на трибуну, с которой только-что говорили тт. Вл. Иванов, Придченко, Химчик. Но фамилии ее председатель не назвал, и она высказала вслух свои соображения:

— Мы все здесь такие, все много делаем, видим и чувствуем. Где же все-то высказаться: времени нехватит.

— А все-таки, о чем бы вы стали говорить, Агния Кирилловна?

— Мало ли о чем. Сердце вот на месте не лежит: каково-то там телята живут. Все ли благополучно... Телеграмму бы подать.

— А еще о чем бы вы сказали?

— Сказала бы, чтобы собрание все-таки скорей бы закрывали, домой ехать надо. Работы на ферме много.